

Шанина Юлия Александровна

РОМАН Д. ЛЕССИНГ "ПЯТЫЙ РЕБЕНОК" В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В данной работе роман Д. Лессинг "Пятый ребенок" (1988) анализируется в соотнесении с европейской культурной традицией: литературной, мифологической, философской. В результате исследования сделан вывод о том, что проблемы романа решаются в широком культурном контексте благодаря введению элементов мифопоэтики, которые придают образам многозначность, символизм, а форме - притчеобразность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/64.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 216-219. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Русский язык	Английский язык	Марийский язык
Учить кого-то чему-то	<i>Teach somebody something</i>	Ала-кѳм ала-молан тунькташ
Учить себя чему-то = учиться	<i>Study ((by)myself) something</i>	Ала-молан тунемаш
Учить что-то	<i>Study something</i>	Ала-молан тунемаш
	<i>Learn something</i>	
Я учусь	<i>I study</i>	Мый тунемам

В заключении следует отметить, что в ходе исследования ядерных и одного окооядерного элементов концепта «учѳба» в русском, английском и марийском языках были получены следующие результаты:

1) в русском языке для реализации структуры *учить (некто, себя, чему-то)*, конструкции с прямым дополнением (*Я учу что-то*) и конструкции без прямого дополнения (*Я учусь*) используются разные формы одного и того же глагола «учить»;

2) для передачи значений тех же конструкций в английском и марийском языках используются соответственно 3 (*study, learn, teach*) и 2 (тунемаш, тунекташ) глагольные лексемы.

Список литературы

1. Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А. Учебник английского языка: в 2-х ч. М.: Деконт+; Гис, 2004. Ч. 1. 640 с.
2. Васильев В. Н. Русско-марийский разговорник. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 96 с.
3. История народного образования в Англии [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%FF_%ED%E0%F0%EE%E4%ED%EE%E3%EE_%EE%E1%F0%E0%E7%EE%E2%E0%ED%E8%FF_%E2_%C0%ED%E3%EB%E8%E8 (дата обращения: 24.02.2014).
4. Карамнова Е. А. Когнитивные модели концепта *STUDY* (УЧѳБА) в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Армавир, 2006. 226 с.
5. *Мудрость тысячелетий*: энциклопедия / общ. ред. В. Балязина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 848 с.
6. Пушкин А. А. Современная лексикография в межкультурном пространстве // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков. Саранск: Мордовск. гос. пед. ин-т, 2013. С. 82-86.
7. Российский общеобразовательный портал [Электронный ресурс]. URL: http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=12814&ob_no=13198 (дата обращения: 18.02.2014).
8. Словари финно-угорских народов: марийско-русский словарь В. М. Васильева [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.marlamuter.ru/index.php//index.xhtml> (дата обращения: 24.02.2014).
9. Шалагина М. А. Особенности употребления слова «Учеба» и его эквивалентов в английском языке // Современная филология (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 100-101.

THE STRUCTURE OF THE LINGUISTIC CONCEPT "STUDIES" IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND MARI LANGUAGES

Shalagina Marina Andreevna
I. N. Ulianov Chuvash State University
maransh@yandex.ru

In the article the structure of the linguistic concept "Studies" by the material of three languages of different structure: Russian, English and Mari is considered. The lexical units which form the concept core in each of the compared languages are identified, the examples of their realization in speech patterns are given. The results of the analysis are summarized in the table.

Key words and phrases: concept; studies; core; the Russian language; the English language; the Mari language.

УДК 821.111.09

Филологические науки

В данной работе роман Д. Лессинг «Пятый ребенок» (1988) анализируется в сопоставлении с европейской культурной традицией: литературной, мифологической, философской. В результате исследования сделан вывод о том, что проблемы романа решаются в широком культурном контексте благодаря введению элементов мифопоэтики, которые придают образам многозначность, символизм, а форме – притчеобразность.

Ключевые слова и фразы: антиутопия; архетип; готический роман; мифологизм; притча; руссоизм; традиция.

Шанина Юлия Александровна, к. филол. н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
shanina@agnyotom.ru

РОМАН Д. ЛЕССИНГ «ПЯТЫЙ РЕБЕНОК» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ[©]

Роман Дорис Лессинг (1919-2013) «Пятый ребенок» («The Fifth Child»), написанный в 1988 году, вызвал очень широкий общественный резонанс и до сих пор остается объектом споров в англоязычном литературоведении,

в отечественной же науке он не являлся предметом отдельного исследования. Интерпретации романа за рубежом многочисленны и противоречивы. Б. Алмонд [4], И. Гамалло [6], Д. Лэнди [9] анализируют его в рамках идеологии феминизма, разрушающей «патриархальный идеал материнства» [6, p. 123]. У. Гринслейд [7], Э. Пифер [11] считают роман отражением постмодернистских концепций М. Фуко, Ж. Дерриды, констатирующих «кризис интерпретации в современной философии и социологии» [11, p. 145]. В. Тайгер рассматривает данное произведение в качестве текста-предупреждения, который «бросает вызов политическому экстремизму» [14, p. 91]. Другие определяют роман как моральную притчу [8], «апокалиптический роман воспитания наоборот» [5], перенося акцент на нравственную и философскую проблематику. Задача данной работы – анализ романа в соотношении с европейской культурной традицией: литературной, мифологической, философской.

По признанию самой Д. Лессинг, роман был создан под влиянием трагических событий XX века. Он посвящен истории распада семьи Ловаттов, подобно тому, как «войны разрушили прекрасный домашний очаг со всеми любящими детьми» самой писательницы [12]. К осмыслению впечатлений своего детства она обращается спустя много лет, усматривая в общественной жизни 1970-1980-х годов такую же разрушительную для семьи атмосферу, когда «некоторые все время ощущают своего рода боль, безнадежность, гнев» [Ibidem]. Поэтому сюжет романа имеет конкретно историческую отнесенность, ограничен рамками внутрисемейных взаимоотношений, но вместе с тем перерастает в подведение итогов всего XX столетия благодаря введению широкого культурного контекста.

Прежде всего, в жанровом отношении произведение представляет собой синтез разных традиций, каждая из которых связана с определенной мировоззренческой концепцией. Изначально сами герои романа, Дэвид и Гарриет Ловатты, соотносят свою судьбу с воплощенной в жизнь сказкой. Дэвид осуществляет мечту Гарриет о принце, который «вручит ей ключи от ее королевства» («hand her the keys of her kingdom») [10, p. 13]. В их большом викторианском доме, который они сравнивают с «удивительным королевством» («miraculous kingdom»), «крепостью» («fortress»), царит чудесная атмосфера счастья, любви, единения, привлекающая большое количество гостей: «Они ликовали, <...> что преуспели в этом волшебстве: они смогли объединить этих разных людей и заставить довольствоваться друг другом» / «And Harriet and David exulted that they... had succeeded in this miracle: they were able to unite all these so different people, and make them enjoy each other» [Ibidem, p. 26-27]. Твердо решив «сказку сделать былью», персонажи поступают как наследники традиций гуманистической европейской философии, которая исполнена веры в безграничные возможности отдельной человеческой личности. Они глубоко убеждены, что только от них зависит их судьба, поэтому «жадным и эгоистичным шестидесятым» («the greedy and selfish sixties») они противопоставляют свою «упрямую индивидуальность» («stubborn individuality») [Ibidem, p. 29]: решают посвятить жизнь созданию крепкой многодетной семьи.

Понимая неразрешимость конфликта со своим поколением, герои избирают путь романтического эскапизма. Ловатты являются последователями У. Вордсворда и Ж. Ж. Руссо: «повторяют в современных условиях романтическое утверждение о доверии природе как колыбели и ориентире для человечества» [11, p. 130]. Они селятся в загородном доме, пытаются оградиться от цивилизации, отказываются от контрацепции, так как «полагали глубоко ошибочным вмешиваться в процессы природы» («they had felt it deeply wrong so to tamper with the processes of Nature») [10, p. 111], мечтают, по меньшей мере, о шестерых детях. Но в общественно-исторических условиях XX века логика традиционного сказочного повествования, идеалы Руссо и английских поэтов-лейкистов XIX века неосуществимы. Не случайно, с точки зрения автора, история Ловаттов изначально тяготеет к традициям готического романа. События разворачиваются в огромном загородном доме «с чердаком, множеством комнат, коридоров, лестниц» («with an attic, full of rooms, corridors, landings») [Ibidem, p. 13]. По мнению Джессики, молодой жены отца Дэвида, он «был удручающим и отвратительным, как и вся Англия» («her it was gloomy and detestable, like England») [Ibidem, p. 19]. Описание окружающего дом «заросшего сада» («overgrown garden») [Ibidem, p. 13] также лишено привлекательности: «черные сучья деревьев» («boughs were still black»), «холодный дождь ранней весны» («the chilly rain of early spring») [Ibidem, p. 14], «запах холодной влажной земли» («smell of cold rainy earth»), «царапанье ветки по стене» («a branch scraped across a wall») [Ibidem, p. 16]. Все эти детали создают атмосферу недоброго предчувствия, смутной тревоги, рокового предопределения.

Готический роман как жанровая форма был порожден предромантическими настроениями рубежа XVIII-XIX веков и представлениями о господстве иррациональных сил, в зависимости от которых оказывается судьба человека. Проявлением этих неразумных сил как раз и является природное, приобщение к которому не становится для героев источником гармонии. Образ сада Ловаттов сопровождается мотивами тьмы, беспорядка, дикости; в момент интимной близости Гарриет чувствует, что не знала мужа («She felt she did not know him») [Ibidem]; следствием доверия естественному закону деторождения оказывается появление Бена, который «не был хорошеньким младенцем», «вовсе не походил на младенца» («He was not a pretty baby. He did not look like a baby at all») [Ibidem, p. 60]. Рождение монстрообразного Бена напоминает о другом произведении английского романтизма – «Франкенштейне» (1818) М. Шелли. Но если Франкенштейн воспринимается как символ последствия вмешательства человека в природные процессы, то Бен, напротив, появляется на свет естественным путем, поскольку природа человеку XX века уже не представляется залогом нравственной чистоты.

Бен является воплощением злого необъяснимого рока для Ловаттов, так как своим существованием полностью разрушает «чудо семьи» («miracle of a family») [Ibidem, p. 40]. Основные споры исследователей касаются толкования именно этого образа, так как от его интерпретации зависит понимание идейного содержания всего произведения. По мнению А.-Л. Бревет, «характер Бена может рассматриваться как аллегория реванша над «белым» обществом» [5]. В работе И. Гамалло Бен представляется как воплощение «женских переживаний

материнства и страха физического, психологического и эмоционального появления ребенка, другого» [6, p. 113]. Согласно концепции Э. Пифер, «пятый ребенок одновременно продукт и предвестник стихийных, внеморальных сил природы» [11, p. 130-131]. Р. Рубинштейн приходит к выводу, что Бен наряду с другими фантастическими образами детей «в романах Лессинг отражает пессимизм в ее взглядах на возможность позитивного социального преобразования» [13, p. 72]. Сама Д. Лессинг следующим образом объясняла генезис образа Бена: «Я всегда была очарована легендами о карликах, гномах и гоблинах. И потом я читала эссе Лорена Айзли, где он рассказывал о прогулке в сумерках по морскому побережью штата Мэн. Он думал о Ледниковом периоде и вдруг увидел девочку. Он сказал себе: «Это девочка Ледникового периода». Он допускал, что человеческий ген может сработать через столетия» [8]. Таким же представляется Гарриет ее сын Бен, необычность которого она объясняет проявлением атавизма: «Гарриет казалось, что сквозь Бена она смотрит на расу, которая достигла своего расцвета за тысячи и тысячи лет до того, как его достигло человечество» / «She felt she was looking, though him, at a race that reached its apex thousands and thousands of years before humanity» [10, p. 156]. Эти параллели с работой Л. Айзли (1907-1977) заставляют связать проблематику романа с вопросами антропологии XX века, которая под влиянием событий двух мировых войн откачалась от просветительских концепций оптимистического эволюционизма, поскольку ему полностью противоречила история немецкого фашизма. Немотивированное зло, агрессия теперь представляются качествами, которые генетически заложены в человеке.

Научные и философские теории XX века Лессинг осмысляет путем мифологизирования. Бен сравнивается с гоблином, который, согласно мифам, принадлежал к «древнейшему племени, существовавшему на земле в доисторические времена» [2, с. 85]. Одновременно окружающие называют его гномом, троллем, хоббитом – словом, разными воплощениями сказочных карликов, которые традиционно «олицетворяют бессознательные и аморальные силы природы» [1, с. 129]. Целый ряд мифологических аналогий придает образу Бена значение архетипа, что не раз отмечалось зарубежными исследователями, которые соотносили его либо с юнговским архетипом тени, либо предлагали рассматривать Бена и Пола в качестве архетипической пары, оппозиции братьев, воплощающих собой «лики добра и зла человеческой природы, подобно Янусу» [5]. На наш взгляд, Бен скорее представляет собой вариант архетипа ребенка, который, согласно К. Юнгу, «в фольклоре в облике карлика или эльфа появляется как разъяснение потаенных сил природы» [3, с. 354]. Суть же этих скрытых сил заключается не в нравственной чистоте, как полагал Руссо, а в подчинении власти инстинкта, дикости, что обнаруживается не только в Бене, но и в других детях (Люке и Хелен): «Дети были частью древней первобытной дикости, она еще стучала в их крови, но им пришлось оставить свою дикую сущность, чтобы воссоединиться с семьей» / «The children had been part of some old savagery, and their blood still pounded with it; but now they had to let their wild selves go away while they rejoined their family» [10, p. 91]. Одновременно Бен ассоциируется и с божественным ребенком, «зачатом, рожденном и выращенном при совершенно необычных обстоятельствах. Его дела столь же чудесны и чудовищны, как его природа и телосложение» [3, с. 358]. Ловатты, шутя, объясняют непредвиденное зачатие Бена чудесным воздействием супружеской спальни, «фабрики младенцев» («baby-maker») [10, p. 40]. В течение беременности Гарриет кажется, что она вынашивает «дикое существо» («savage thing») [Ibidem, p. 51], которое обладает «пугающей силой» («fearful strength») [Ibidem, p. 50]. Впоследствии поведение Бена шокирует окружающих: он обладает невероятной силой, проявляет охотничий инстинкт, убивает домашних животных. Пятый ребенок Ловаттов лишен нравственных качеств, не способен к проявлению естественных человеческих чувств, что передается с помощью повторяющегося мотива холодности его взгляда («his small cold eyes seemed to her malevolent») [Ibidem, p. 64], «she saw those cold eyes turn towards her» [Ibidem, p. 86], «those hard cold alien eyes» [Ibidem, p. 101], «his eyes had a wild look» [Ibidem, p. 122], «those cold, inhuman eyes...» [Ibidem, p. 132]). Окружающие испытывают перед ним безотчетный ужас, страх, поскольку им непонятна логика его поведения, основанная на инстинкте самосохранения. Таким образом, Лессинг в крайней форме отвергает традиционный христианский миф о божественном ребенке-спасителе. Как и многие современники (У. Голдинг «Повелитель мух» (1954), И. Макьюэн «Цементный садик» (1978), Г. Свифт «Земля воды» (1983)), она настаивает на утопичности представлений о детстве как источнике нравственной непорочности, идеальном состоянии естественности и непосредственности, к которому должно стремиться человечество.

С одной стороны, образ Бена в философском плане связан с постановкой вопроса о критериях человечности, он воплощает дикую, темную, сторону бытия, самой человеческой природы, абсолютное преодоление которой невозможно. С другой, проблематика романа имеет и социальный аспект. Парадокс заключается в том, что Бен не кажется исключительным никому из окружающих за пределами семьи Ловаттов. В школе есть и другие дети, у которых отсутствует способность к обучению, случаются приступы жестокости, для психологов и педагогов «он в пределах нормы» («he is within the range of normality») [Ibidem, p. 125], просто «гиперактивный» («a hyperactive child») [Ibidem, p. 77], «трудный» ребенок («he was just a 'difficult' child») [Ibidem, p. 128], которого не любит мать. Он вполне адаптируется в английском обществе начала 1980-х годов, где нормой являются «войны и массовые беспорядки, убийства и разбойные нападения, воровства, киднэппинг» («wars and riots; killings and hijackings; murders and thefts and kidnappings») [Ibidem, p. 129], «телевизионное насилие» («the violence on the box») [Ibidem, p. 148]. За пределами нормы оказываются супружеская верность, семейные добродетели и ценности, наличие нескольких детей – все те идеалы, согласно которым строят свою жизнь Ловатты. В этой атмосфере «диких восьмидесятых» («the barbarous eighties») [Ibidem, p. 129] Бен возглавляет банду малолетних преступников, которые во многом на него походят: «У Дерека был глуповатый вид: в жуткие моменты на экране он заливался нервным злобным смехом» / «Derek had a foolish look to him: at ugly moments on the screen he laughed a lot in a weak excitable way»; у Элвиса «такие же холодные глаза, как у Бена» («with eyes

as cold as Ben's»); Билли – «неповоротливый, тупой, агрессия в каждом движении» («Billy was a hulk, stupid, with aggression in every movement») [Ibidem, p. 149]. Характеристика банды Бена, английского общества 1980-х годов, использование приемов художественной условности позволяют сопоставить произведение Лессинг с «Заводным апельсином» (1962) Э. Берджесса, «1984» (1948) Д. Оруэлла, которые относятся к жанру антиутопии. Но если события традиционной антиутопии разворачиваются в будущем, то в романе Лессинг они связаны с настоящим, как бы указывая на то, что мы уже являемся жителями антиутопии. С этой точки зрения, роман Лессинг является протестом против европейской цивилизации конца XX века, которая лишена четких критериев человечности, чья идеология базируется на рациональном восприятии мира и индифферентном отношении к вопросам морали и духовности. А появление Бена в идеальной семье Ловаттов указывает на иллюзорность надежд Дэвида и Гарриет укрыться от язв и проблем цивилизации, в которой они живут.

Анализ образа Бена показывает, что художественное своеобразие романа заключается в соединении мифологических традиций с социальной злободневностью произведения. Помимо уподобления Бена мифологическим персонажам в романе присутствуют и другие элементы мифопоэтики, что проявляется в использовании мотивов сказочного повествования в раскрытии основного сюжета и вставных эпизодах (сказка, придуманная Дэвидом для детей). Ловатты сравнивают себя то с героями волшебной сказки, то с козлами отпущения архаического ритуала, призванного умиловить жестоких богов. Художественное время романа подчинено циклическому представлению о времени, основанному на чередовании Рождества и Пасхи. Место действия романа, отдельные сюжетные мотивы навевают многочисленные литературные реминисценции, что заставляет воспринимать образы как архетипы (матери, ребенка, дома). Обращение к принципам мифологизма придает образности романа многозначность, символизм, а форме – притчеобразность, что и позволяет интерпретировать его столь по-разному. Как и в большинстве романов XX века, в произведении Лессинг мифологические образы и мотивы получают совершенно новое истолкование, которое служит демонстрации исключительности XX столетия как переходной эпохи, заставившей пересмотреть мировоззренческие основы европейской цивилизации.

Несмотря на открытость финала произведения, многозначность образов, притча Д. Лессинг «Пятый ребенок» не лишена традиционной назидательности. История Ловаттов показывает, что достижение личного счастья возможно при условии всеобщего социального благополучия, которое напрямую зависит от решения философских гуманистических проблем сущности человеческой природы, путей формирования человеческой нравственности.

Список литературы

1. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 402 с.
2. **Мифология:** энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 302 с.
3. Юнг К. Божественный ребенок. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
4. **Almond B.** The Monster Within: The Hidden Side of Motherhood. University of California Press, 2010. 265 p.
5. **Brevet A.-L.** «The Shadow of the Fifth»: Patterns of Exclusion in Doris Lessing's The Fifth Child [Электронный ресурс] // La Clé des langues. Mis à jour le 9 décembre 2011. URL: cle.ens-lyon.fr/anglais/the-shadow-of-the-fifth-patterns-of-exclusion-in-doris-lessing-s-the-fifth-child-136883.kjsp (дата обращения: 13.01.2014).
6. **Gamallo I. C. A.** Motherhood and the Fear of the Other: Magic, Fable and the Gothic in Doris Lessing's The Fifth Child // Theme Parks, Rainforests and Sprouting Wastelands / ed. R. Todd, L. Flora. Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 2000. Т. 123. P. 113-125.
7. **Greenlade W. M.** Degeneration, Culture, and the Novel, 1880-1940. Cambridge University Press, 1994. 355 p.
8. **Kizer C.** Bad News For the Nice and Well-Meaning [Электронный ресурс] // The New York Times. 1988. April 3. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-fifth.html> (дата обращения: 13.01.2014).
9. **Landey D.** Maternal Blitz: Harriet Lovatt as Postpartum Sufferer in Doris Lessing's The Fifth Child // Textual Mothers/Maternal Texts: Motherhood in Contemporary Women's Literatures / ed. E. Podnieks, A. O'Reilly. Wilfrid Laurier Univ. Press, 2010. P. 157-168.
10. **Lessing D.** The Fifth Child. London: Flamingo, 2001. 159 p.
11. **Pifer E.** Demon or Doll: Images of the Child in Contemporary Writing and Culture. Charlottesville – London: University of Virginia Press, 2000. 272 p.
12. **Rothstein M.** The Painful Nurturing of Doris Lessing's 'Fifth Child' [Электронный ресурс] // The New York Times. 1988. June 14. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-child.html> (дата обращения: 13.01.2014).
13. **Rubenstein R.** Doris Lessing's Fantastic Children // Doris Lessing: Border Crossings / ed. A. Ridout, S. Watkins. N. Y., 2009. P. 61-74.
14. **Tiger V.** Cultures of Occupation and the Canadian [con]script[ion]: «Lessing Changed my Life» // In pursuit of Doris Lessing: Nine Nations Reading / ed. C. Sprague. N. Y.: St. Martin's Press, 1990. P. 89-101.

D. LESSING'S NOVEL "THE FIFTH CHILD" IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRADITION

Shanina Yuliya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
shanina@agnytom.ru

In the article D. Lessing's novel "The Fifth Child" (1988) is analyzed in correlation with European cultural tradition: literary, mythological and philosophical. As a result of the research the author comes to the conclusion that the problems of the novel are solved in the broad cultural context due to the use of the elements of mythopoetics which give multiple meaning, symbolism to the images, and parable nature to the form.

Key words and phrases: anti-utopia; archetype; Gothic novel; mythologism; parable; Rousseauism; tradition.